

Письмо недели

НИКТО
НЕ ЗАБЫТ
И НИЧТО
НЕ ЗАБЫТО

С большим волнением прочитал я статью писателя Бориса Васильева о фильме «Великая Отечественная» («ЛГ», № 10). Одно упоминание о трагических моментах на Соловьевой переправе через Днепр заставило меня вновь прочувствовать и пережить те страшные дни.

И вопрос: где они сейчас (бойцы и командиры, свидетели и участники тех событий) — прозвучал для меня как призыв, на который я обязан откликнуться и сообщить, что некоторые живы, и все помнят, и никогда не забудут.

Не было тогда в тех местах ни кинооператоров, ни фотокорреспондентов, которые смогли бы засвидетельствовать для истории и потомков героизм войск 19-й и 20-й армий, их колонны, упершиеся в мост на Днепре, разбитый фашистскими стервятниками. Вряд ли существует кинодокумент, в котором бы, как в моей памяти, навсегда осталась молодой лейтенант с оторванными бомбой ногами, истекающий кровью...

А наводка нового моста под не прекращающейся ни на минуту бомбежкой! Не успев отбоявиться одно звено с черными крестами, как на смену ему другое. Сколько полегло навечно саперов и зенитчиков у этого моста, но он наводился, и часть бойцов и техники все же перескочивала на левый берег Днепра.

Уже ночью, после переправы, по лесной дороге на Дорогобуж голодные, физически измученные бойцы и командиры, некоторые из них раненые, волоком по песку уводили технику, уносили еще оставшиеся боеприпасы.

Это был поистине героический и трудный марш к Победе, хотя каждый из нас и знал, что мы отступаем и Москва уже не так далеко на нашем пути. Но не было среди нас неверовавших в грядущую победу.

Вот такие мысли и воспоминания навела на меня статья Б. Васильева.

Ну, а дальше был фильм. Первые серии. В нашем родном кинотеатре «Победа»...

Юрий
НИКУЛИН:

ЕСЛИ вам захочется вдруг обидеть человека, сказать ему что-то неприятное (лучше этого не делать, но в жизни всякое бывает), то произнесите всего одну фразу: «Вы не обладаете чувством юмора». Впрочем, каждый считает, что уж он-то чувством юмора несомненно обладает. Я не встречал людей, которые бы не любили смешных представлений, рассказов, анекдотов. Да и по профессии своей вынужден все время думать о том, как бы рассмешить, да похуже, рассмешить зрителей. Вот почему мне кажется совершенно правильным, что писательская газета решила обсудить, как живет современная комедия.

Открывая дискуссию, А. Егоров ностальгически вспоминает о золотом веке кинокомедии. Но был ли он, этот золотой век? Я в этом сомневаюсь. Фильмы, которые упоминаются в статье — «Волга-Волга», «Веселые ребята» и т. д. — это же репертуар целого десятилетия! Да и в 60-е годы вышло, пожалуй, две-три отличные комедии — не больше. А Чарли Чаплин, о котором тоже вспоминает критик, так вообще был один на весь мир. Нет, положительно у комедии не было золотого века. С комедиями всегда было тоудно, а с сатирой еще труднее. И если мы сумеем, хоть чуть-чуть сдвинуть дело с мертвой точки, если будет еще хоть одна настоящая комедия в театре, одна в кино, одна на телевидении, то, значит, мы все не зря тратим время.

Я не могу согласиться с автором статьи и по другому поводу. Он задает полемический вопрос — не пора ли «сдвинуть в архив карнавальное начало, площадной трюк, простодушную шутку, румяна белого и отчаянный парик рыжего клоунов?», считая, что все это сегодня не работает и принадлежит «отшедшему детству». Не согласен! Напротив, считаю, что пора возродить карнавалы, разработать площадную шутку и возродить искусство старых клоунов. Мне кажется, что трюк, лежащий в основе комедий, может и должен быть наивен и простодушен. Лично я просто мечтаю слышать в комедии без слов, построенной только на трюках, на глгах, на смешных ситуациях. И думаю, нашему кинематографу и телевидению стоит вести свои поиски именно в этом направлении.

Конечно, юмор меняется вместе с эпохой. Вот раньше

ЧТОБЫ ТАРЕЛКА
РАЗБИВАЛАСЬ!

блистательно проходила у клоунов реприза, когда выходил на манеж Рыжий и говорил Белому:

— Здравствуй! — и протягивал руку.

— Боже мой, какие у тебя грязные руки! — удивленно восклицал Белый.

— Грязные?! — переспрашивал Рыжий. — Да ты бы посмотрел на мои ноги!

Реприза пользовалась бешеным успехом. Сегодня она вызвала бы ироническую улыбку, а артистов справедливо обвинили бы в безвкусице.

Как рождается смех? Нередко путем проб и ошибок. Знаю только, что чем больше смеются во время/создания комедийного фильма, тем меньше будет смеха в зрительном зале.

В начале своей работы в кино я снимался у режиссера Ю. Чулюкина в картине «Жизнь начинается», где мне дали роль странного парня. Про таких говорят «с приветом». Мы делали серьезную картину о нравственном воспитании молодежи. После окончания съемок первую копию повезли показывать в клуб фабрики «Трехгорная мануфактура».

И вот на просмотре, к удивлению съемочной группы, зрители стали смеяться. Назначает героиня картины свидания двум поклонникам — сразу возникает смех; играет с вышкой другой герой в трусах — хохот; выкидывает различные шутки мой персонаж — в зале веселое оживление. И создатели фильма поняли — получилась комедия. Пришлось искать другое название: «Жизнь начинается», как считали в то время, для комедии не годится. Вспомнили, что в одном из эпизодов героев называют неподдающимися и дали картине именно такое название — «Неподдающиеся». На моей памяти это пока единственный случай, когда делали серьезный фильм, а вышла комедия. К сожалению, гораздо чаще встречается обратная ситуация — создают комедию, а получается серый фильм, весьма расплывчатый по жанру.

Мне было приятно и лестно узнать, что фильмы «Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница», «Самозванцы», «Пес Барбос...» по несколько

раз смотрели наши космонавты. Выступая в Звездном городке, я слышал от наших героев космоса много приятных слов об этих фильмах.

И мне жаль, что Леонид Гайдай бросил нашу тройку — Труса; Бывалого, Балбеса. Мне кажется, что мы вообще недооцениваем роль постоянного комического персонажа в кино и на телевидении. Если он удачно придуман и если его характер и поступки диктуются временем, ему суждена долгая жизнь. Вот же придумали много прекрасных трюков и положений для Зайца и Волка из мультипликационного сериала «Ну, погоди!», а планировались-то одна-две части.

Если бы я был организатором кинопроизводства, то вместо полнометражных фильмов давал бы возможность снять сперва по одной-две части каждому, кто хочет работать в комедийном жанре. Не надо бояться неудач. Пусть большее число людей пробует свои силы в этом трудном жанре — лучшее останется. Я знаю, что нашу короткометражку «Пес Барбос...» посмотрело огромное количество людей не только в СССР. Эта скромная лента была закуплена очень многими странами. Комедийное кино более, чем какое-либо другое, интернационально по духу. Оно объединяет людей всего мира улыбкой, смехом.

Думаю, что поиски смешного нужно начинать и в документальном кино. Понаблюдайте, например, за жизнью перекрестка, зафиксируйте разговор автолюбителя с автоинспектором, присмотритесь, как ведут себя детишки на детском сеансе. Это будет и смешно, и поучительно. Пусть кто-нибудь хотя бы в порядке эксперимента возьмется за осуществление этого предложения.

Юмор требует проверки на зрители.

В цирке репризы шлифовались чуть ли не веками — я говорю о классических цирковых номерах. В кино подобный метод, конечно, исключен, но и в кино нужно искать возможность как-то проверять отдельные фильмы или даже отдельные эпизоды на зрители и при необходимости вносить какие-то исправления.

В дискуссии о комедии,
начатой статьей

А. Егорова («ЛГ», № 6),

уже приняли участие

В. Плечек, С. Алешин,

актеры и режиссеры

Театра имени

Вахтангова, наши

читатели. Сегодня наш

корреспондент

Вл. Шахиджанян

беседует с народным

артистом СССР

Ю. Никулиным.

В последнее десятилетие во многих газетах и журналах появились юмористические странички. Можно перечислить несколько десятков имен новых авторов. Но сколько из них написали сценарии? Юмористов много, но, видимо, необходимо искать особые формы работы с ними.

Мне иногда представляется идиллическая картина. Собрались пять-шесть симпатичных, талантливых, остроумных людей. Живут они в гостинице, где-нибудь в Крыму, и вместе сочиняют комедию. Утром работают, днем гуляют или смотрят кино, а по вечерам собираются и фантазируют. Когда они встречаются вместе, то один исправляет диалог, другой придумывает анекдоты, третий разрабатывает сюжетные линии. Четвертый только все ругает, а пятый записывает. Кто знает, может быть, так и родится превосходный сценарий? Пишут же в Италии сценарий пять-шесть человек, и мы смотрим эти фильмы с удовольствием.

Отличную комедию смотрят более ста миллионов человек. Так что любые расходы с лихвой окупятся, а сколько радости можно принести людям!

Фото В. ВОГДАНОВА

КАК ЖИВЕШЬ,
КОМЕДИЯ?

брали около двадцати анекдотов и... ни разу не улыбнулись.

В это время в павильон вошел директор картины и спросил у режиссера:

— Ну как? Отсмеялись они? Ростислав Плятт этот вопрос, видимо, покорила, и он ехидно заметил:

— Вот покажите нам свой голый пупырчатый живот, тогда мы будем смеяться.

Почему-то от этой фразы все начали безудержно хохотать. Смех передался и нам. Гайдай закричал оператору:

— Снимайте!

Кусок сняли, он вошел в картину, и все нам потом говорили — как здорово вы смеялись. Заразительно!

Но что было смешного в этой фразе? Ничего. Видимо, просто возник эффект неожиданности, а главное, как я понимаю, Плятт разозлился и довольно сердито огрызнулся на в общем-то миролюбивый и вполне законный вопрос директора картины. Это-то и вызвало смех.

Золотой век комедии наступит тогда, когда мы будем с веселым, добрым, озорным настроением рассказывать о нашей жизни, не ставя перед собой задачу во что бы то ни стало рассмешить зрителя. Мы просто должны высмеивать недостатки, критиковать глупость, косность, пустоту, бюрократизм. Все эти отрицательные явления в комедии должны быть преувеличены. Трудно ли это? Конечно. Может ли это вызвать недовольство какой-то части зрителей? Конечно. Но вот ведь живет «Фитиль» — и отлично живет!

Люди, которым не нравится фильм «Двенадцать стульев», объясняют неудачу тем, что на первой съемке ассистент Гайдая, которому поручили разбить тарелку (есть такая традиция — разбивать на счастье тарелку в первый съемочный день), так ухитрился ее бросить об асфальтовый пол павильона, что она не разбилась. И спустя некоторое время пришлось менять исполнителя главной роли и все съемки начинать заново. Но и во второй раз тарелка не разбилась. Прямо мистика какая-то. А может быть, и не мистика, а причина в том, что литературный юмор

нельзя — да и невозможно — переносить на экран? Он ведь требует иной подачи, иного осмысления.

Есть хмурые люди, но и они иногда смеются, даже если сами пугаются своего смеха: чего это я, серьезный человек, вдруг засмеялся — нельзя, не положено мне. Но если человек умеет и любит смеяться не только над другими, но и над собой — это говорит о его нравственном здоровье. И я очень хочу, чтобы таких людей — любящих и умеющих смеяться — у нас было больше и чтобы наше кино, наше телевидение, театр и цирк помогали жить и становиться лучше и чище всем, чтобы действительно любил шутку и смех. И для этого, как мне представляется, нужно решить ряд творческих и организационных проблем. И я надеюсь, что наше обсуждение, которое началось на страницах уважаемой «Литературной газеты» (я постоянный ее подписчик), этому поможет.

Кто знает, быть может, пройдет лет десять-пятнадцать, и мы на вопрос: «Как живешь, комедия?» — ответим: «Трудно, но лучше, чем десять-пятнадцать лет назад», ибо появится у нас всесоюзный или всемирный фестиваль комедийного фильма, будет несколько комедийных сериалов на телевидении, родятся новые отличные клоуны в цирке, будут отличные карнавалы, книги юмористов (попробуйте достаньте сегодня сборники юмористических рассказов!), и на наших улицах появятся юмористические плакаты и рекламы, и мы, люди, будем чаще друг другу рассказывать смешные истории, сможем чаще улыбаться, и это поможет нам преодолеть трудности, поможет стать и бодрее, и лучше. Ведь смех действительно очищает душу!

МНЕ КАЖЕТСЯ, что гораздо легче заставить человека заплакать в зрительном зале, чем засмеяться. Стоит рассказать грустную историю, допустим, о скверном отношении к собаке, и у зрителей появляются на глазах слезы. Но можно долго и упорно смешить людей, а смеха не возникает.

Вспоминаю историю, которая произошла со мной во время съемок фильма «Деловые люди».

Нам никак не удавался эпизод, когда грабитель и жертва (Ростислав Плятт и я), окончательно «сроднившись», сидят на кровати хозяина дома и вспоминают смешной анекдот. Они должны по сценарию заразительно хохотать. У нас это не получалось. После бесплодных попыток Леонид Гайдай — режиссер фильма — рассердился и приказал осветителям включить свет в павильоне, оставив только дежурную лампу.

Если вы через пять минут не засмеетесь, я отменю вообще съемку, а расходы потребую отнестись за ваш счет, — сказал сурово Гайдай.

Слушай, — предложил Плятт, — давай рассказывать друг другу анекдоты. Начнем смеяться по-настоящему, и тут-то они нас и снимут.

Включили свет. Приготовили камеру. Стали мы друг другу анекдоты рассказывать. Пере-

Юрий
НИКУЛИН:

ЧТОБЫ ТАРЕЛКА РАЗБИВАЛАСЬ!

ЕСЛИ вам захочется вдруг обидеть человека, сказать ему что-то неприятное (лучше этого не делать, но в жизни всякое бывает), то произнесите всего одну фразу: «Вы не обладаете чувством юмора». Впрочем, каждый считает, что уж он-то чувством юмора несомненно обладает. Я не встречал людей, которые бы не любили смешных представлений, рассказов, анекдотов. Да и по профессии своей вынужден все время думать о том, как бы рассмешить, да получше рассмешить зрителя. Вот почему мне кажется совершенно правильным, что писательская газета решила обсудить, как живет современная комедия.

Открывая дискуссию, А. Егоров ностальгически вспоминает о золотом веке кинокомедии. Но был ли он, этот золотой век? Я в этом сомневаюсь. Фильмы, которые упоминаются в статье — «Волга-Волга», «Веселые ребята» и т. д. — это же репертуар целого десятилетия! Да и в 60-е годы вышло, пожалуй, две-три отличные комедии — не больше. А Чарли Чаплин, о котором тоже вспоминает критик, так вообще был один на весь мир. Нет, положительно у комедии не было золотого века. С комедиями всегда было трудно, а с сатирой еще труднее. И если мы сумеем хоть чуть-чуть сдвинуть дело с мертвой точки, если будет еще хоть одна настоящая комедия в театре, одна в кино, одна на телевидении, то, значит, мы все не зря тратим время.

Я не могу согласиться с автором статьи и по другому поводу. Он задает полемический вопрос — не пора ли «сдвинуть в архив карнавальное начало, площадной трюк, простодушную шутку, румяна белого и отчаянный парик рыжего клоунов?», считая, что все это сегодня не работает и принадлежит «отшедшему детству». Не согласен! Напротив, считаю, что пора возродить карнавалы, разработать площадную шутку и возродить искусство старых клоунов. Мне кажется, что трюк, лежащий в основе комедии, может и должен быть наивен и простодушен. Лично я просто мечтаю сняться в комедии без слов, построенной только на трюках, нагизгах, на смешных ситуациях. И думается, нашему кинематографу и телевидению стоит вести свои поиски именно в этом направлении.

Конечно, юмор меняется вместе с эпохой. Вот раньше

блистательно проходила у клоунов реприза, когда выходил на манеж Рыжий и говорил Белому:

— Здравствуй! — и протягивал руку.

— Боже мой, какие у тебя грязные руки! — удивленно восклицал Белый.

— Грязные?! — переспрашивал Рыжий. — Да ты бы посмотрел на мои ноги!

Реприза пользовалась бешеным успехом. Сегодня она вызвала бы ироническую улыбку, а артистов справедливо обвинили бы в безвкусице.

Как рождается смех? Нередко путем проб и ошибок. Знаю только, что чем больше смеются во время создания комедийного фильма, тем меньше будет смеха в зрительном зале.

В начале своей работы в кино я снимался у режиссера Ю. Чулюкина в картине «Жизнь начинается», где мне дали роль странного парня. Про таких говорят «с приветом». Мы делали серьезную картину о нравственном воспитании молодежи. После окончания съемок первую копию повезли показывать в клуб фабрики «Трехгорная мануфактура».

И вот на просмотре, к удивлению съемочной группы, зрители стали смеяться. Назначает героиня картины свидание двум поклонникам — сразу возникает смех; прыгает с вышки другой герой в трусах — хохот; выкидывает различные шутки мой персонаж — в зале веселое оживление. И создатели фильма поняли — получилась комедия. Пришлось искать другое название: «Жизнь начинается», как считали в то время, для комедии не годится. Вспомнили, что в одном из эпизодов героев называют неподдающимися и дали картине именно такое название — «Неподдающиеся». На моей памяти это пока единственный случай, когда делали серьезный фильм, а вышла комедия. К сожалению, гораздо чаще встречается обратная ситуация — создают комедию, а получается серый фильм, весьма расплывчатый по жанру.

Мне было приятно и лестно узнать, что фильмы «Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница», «Самозванцы», «Пес Барбос...» по нескольку

раз смотрели наши космонавты. Выступая в Звездном городке, я слышал от наших героев космоса много приятных слов об этих фильмах.

И мне жаль, что Леонид Гайдай бросил нашу тройку — Труса, Бывалого, Балбеса. Мне кажется, что мы вообще недооцениваем роль постоянного комического персонажа в кино и на телевидении. Если он удачно придуман и если его характер и поступки диктуются временем, ему суждена долгая жизнь. Вот же придумали много прекрасных трюков и положений для Зайца и Волка из мультипликационного сериала «Ну, погоди!», а планировались-то одна-две части.

Если бы я был организатором кинопроизводства, то вместо полнометражных фильмов давал бы возможность снять сперва по одной-две части каждому, кто хочет работать в комедийном жанре. Не надо бояться неудач. Пусть большее число людей пробует свои силы в этом трудном жанре — лучшее останется. Я знаю, что нашу короткометражку «Пес Барбос...» посмотрело огромное количество людей не только в СССР. Эта скромная лента была закуплена очень многими странами. Комедийное кино более, чем какое-либо другое, интернационально по духу. Оно объединяет людей всего мира улыбкой, смехом.

Думаю, что поиски смешного нужно начинать и в документальном кино. Понаблюдайте, например, за жизнью перекрестка, зафиксируйте разговор автомобилиста с автоинспектором, присмотритесь, как ведут себя детишки на детском сеансе. Это будет и смешно, и поучительно. Пусть кто-нибудь хотя бы в порядке эксперимента возьмется за осуществление этого предложения.

Юмор требует проверки на зрителе.

В цирке репризы шлифовались чуть ли не веками — я говорю о классических цирковых номерах. В кино подобный метод, конечно, исключен, но и в кино нужно искать возможность как-то проверять отдельные фильмы или даже отдельные эпизоды на зрителе и при необходимости вносить какие-то исправления.

В дискуссии о комедии, начатой статьей

А. Егорова («ЛГ», № 6),

уже приняли участие

В. Плучек, С. Алешин,

актеры и режиссеры

Театра имени

Вахтангова, наши

читатели. Сегодня наш

корреспондент

Вл. Шахиджанян

беседует с народным

артистом СССР

Ю. Никулиным.

В последнее десятилетие во многих газетах и журналах появились юмористические странички. Можно перечислить несколько десятков имен новых авторов. Но сколько из них написали сценарии? Юмористов много, но, видимо, необходимо искать особые формы работы с ними.

Мне иногда представляется идиллическая картина. Собралась пять-шесть симпатичных, талантливых, остроумных людей. Живут они в гостинице, где-нибудь в Крыму, и вместе исправляют диалог, другой придумывает анекдоты, третий разрабатывает сюжетные линии. Четвертый только все ругает, а пятый записывает. Кто знает, может быть, так и родится превосходный сценарий? Пишут же в Италии сценарий пять-шесть человек, и мы смотрим эти фильмы с удовольствием.

Отличную комедию смотрят более ста миллионов человек. Так что любые расходы с лихвой окупятся, а сколько радости можно принести людям!

Фото В. БОГДАНОВА

МНЕ КАЖЕТСЯ, что гораздо легче заставить человека заплакать в зрительном зале, чем засмеяться. Стоит рассказать грустную историю, допустим, о скверном отношении к собаке, и у зрителей появляются на глазах слезы. Но можно долго и упорно смеить людей, а смеха не возникает.

Вспоминаю историю, которая произошла со мной во время съемок фильма «Деловые люди».

Нам никак не удавался эпизод, когда грабитель и жертва (Ростислав Плятт и я), окончательно «сроднившись», сидят на кровати хозяина дома и вспоминают смешной анекдот. Они должны по сценарию разительно хохотать. У нас это не получалось. После бесплодных попыток Леонид Гайдай — режиссер фильма — рассердился и приказал осветителям выключить свет в павильоне, оставив только дежурную лампу.

— Если вы через пять минут не засмеетесь, я отменяю вообще съемку, а расходы потребую отнести за ваш счет, — сказал сурово Гайдай.

— Слушай, — предложил Плятт, — давай рассказывать друг другу анекдоты. Начнем смеяться по-настоящему, и тут-то они нас и снимут.

Включили свет. Приготовили камеру. Стали мы друг другу анекдоты рассказывать. Пере-

КАК ЖИВЕШЬ, КОМЕДИЯ?

брали около двадцати анекдотов и... ни разу не улыбнулись.

В это время в павильон вошел директор картины и спросил у режиссера:

— Ну как? Отсмеялись они?

Ростислав Плятт этот вопрос, видимо, покорибл, и он ехидно заметил:

— Вот покажите нам свой голый пупырчатый живот, тогда мы будем смеяться.

Почему-то от этой фразы все начали безудержно хохотать. Смех передался и нам. Гайдай закричал оператору:

— Снимайте!

Кусок снял, он вошел в картину, и все нам потом говорили — как здорово вы смеялись. Заразительно!

Но что было смешного в этой фразе? Ничего. Видимо, просто возник эффект неожиданности, а главное, как я понимаю, Плятт разозлился и довольно сердито огрызнулся на в общем-то миролюбивый и вполне законный вопрос директора картины. Это-то и вызвало смех.

Золотой век комедии наступит тогда, когда мы будем с веселым, добрым, озорным настроением рассказывать о нашей жизни, не ставя перед собой задачу во что бы то ни стало рассмешить зрителя. Мы просто должны высмеивать недостатки, критиковать глупость, косность, пустоту, бюрократизм. Все эти отрицательные явления в комедии должны быть преувеличены. Трудно ли это? Конечно. Может ли это вызвать недовольство какой-то части зрителей? Конечно. Но вот ведь живет «Фитиль» — и отлично живет!

Люди, которым не нравится фильм «Двенадцать стульев», объясняют неудачу тем, что на первой съемке ассистент Гайдая, которому поручили разбить тарелку (есть такая традиция — разбивать на счастье тарелку в первый съемочный день), так ухитрился ее бросить об асфальтовый пол павильона, что она не разбилась. И спустя некоторое время пришлось менять исполнителя главной роли и все съемки начинать заново. Но и во второй раз тарелка не разбилась. Прямо мистика какая-то. А может быть, и не мистика, а причина в том, что литературный юмор

нельзя — да и невозможно — переносить на экран? Он ведь требует иной подачи, иного осмысления.

Есть хмурые люди, но и они иногда смеются, даже если сами пугаются своего смеха: чего это я, серьезный человек, вдруг засмеялся — нельзя, не положено мне. Но если человек умеет и любит смеяться не только над другими, но и над собой — это говорит о его нравственном здоровье. И я очень хочу, чтобы таких людей — любящих и умеющих смеяться — у нас было больше и чтобы наше кино, наше телевидение, театр и цирк помогали жить и становиться лучше и чище всем, кто действительно любит шутку и смех. И для этого, как мне представляется, нужно решить ряд творческих и организационных проблем. И я надеюсь, что наше обсуждение, которое началось на страницах уважаемой «Литературной газеты» (я постоянный ее подписчик), этому поможет.

Кто знает, быть может, пройдет лет десять-пятнадцать, и мы на вопрос: «Как живешь, комедия?» — ответим: «Трудно, но лучше, чем десять-пятнадцать лет назад», ибо появится у нас всесоюзный или всемирный фестиваль комедийного фильма, будет несколько комедийных сериалов на телевидении, родятся новые отличные клоуны в цирке, будут различные карнавалы, книги юмористов (попробуйте достать сегодня сборники юмористических рассказов!), и на наших улицах появятся юмористические плакаты и рекламы, и мы, люди, будем чаще друг другу рассказывать смешные истории, сможем чаще улыбаться, и это поможет нам преодолеть трудности, поможет стать и бодрее, и лучше. Ведь смех действительно очищает душу!